

Петербург остался на год без сколько-нибудь значительного русского политического и литературного журнала. Тогда и была предпринята Г. Л. Брайко попытка объединить молодых столичных литераторов вокруг нового журнала «С.-Петербургский вестник».

Уже во «Фрагментах, или мыслях, взятых из разных авторов. Вместо предисловия» — собрании цитат, которым редакция заменила вводную статью, она решительно заявила о своем праве давать критическую оценку явлениям современной общественной жизни: «Почто хотят воспретить живущему свету судити наши дела, когда потомства суд тем строжае будет». ¹⁸ И далее устами полумифического короля древней Англии Альфреда провозглашалась политическая программа журнала: «Истина того требует, чтобы народ пребывал всегда столько же волен как его мысль». Правда, опасаясь вмешательства цензуры, редакция поспешила оговориться, что имеется в виду вольность, «управляемая благоразумием и законами», и что «честный человек иной свободы не знает» (ч. I, с. 13).

К какому бы из разделов журнала мы ни обратились, везде мы наталкиваемся на мысли и сопоставления, заставлявшие глубоко задуматься современных читателей. На страницах «С.-Петербургского вестника» были затронуты самые острые и злободневные общественно-политические и философские проблемы того времени.

Уже в одном из первых номеров журнала в отрывке из сочинения Х. М. Виланда «Александр и Диоген» в переводе Г. Л. Брайко прозвучала филиппика против неограниченного закона абсолютизма: «Человек все легче может снести, кроме неограниченной власти. В то самое мгновение ока, в которое ты, подвергнувшись искушению, допустишь ласкателям твоим себя уверить, что ты более человека, совершится конец твоей славы и погибель твоей добродетели. Тогда ты великие твои дела затмишь пороками, которые ясно докажут, что ты не иной кто, как смертный» (ч. I, с. 367).

В официальном отделе «С.-Петербургского вестника» наряду с придворной хроникой помещалось сообщение о том, что польский князь Франц Сулковский объявил всех своих крепостных крестьян вольными и укрепил им в собственное владение их усадьбы, которыми они, яко подданные, временно только владели» (ч. III, с. 411).

Даже внешне безобидный анекдот в те годы приобретал политическую окраску: «Норвежцы и ныне говорят государю своему „ты“. В новейшие времена крестьянин, пришед к одному из сих государей с книгою в руках, сказал: „Вот твоя книга, возьми ее

---

¹⁸ С.-Петербургский вестник, 1778, ч. I, с. 14. Далее ссылки на этот журнал в тексте с указанием части и страницы.